

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Сборник статей,
посвященный юбилею профессора
В.В. Витрянского

Ответственный редактор
Е.А. Суханов

СТАТУТ
МОСКВА 2026

УДК 347.1
ББК 67.404.0
П78

П78 Проблемы развития гражданского законодательства и практики его применения : сборник статей, посвященный юбилею профессора В. В. Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. — Москва : Статут, 2026. — 208 с.

ISBN 978-5-8354-2179-4 (в пер.)

Настоящий сборник научных статей подготовлен к юбилею выдающегося отечественного цивилиста профессора Василия Владимировича Витрянского — заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке, активного участника создания и реформирования Гражданского кодекса РФ и подготовки разъяснений судебно-арбитражной практики по вопросам его применения. Сборник подготовлен коллегами В.В. Витрянского — известными российскими учеными и специалистами в области гражданского права. Он посвящен анализу правоприменительной практики и проблемам совершенствования действующего гражданского законодательства в сферах договорно-обязательственного и вещного права, а также защиты гражданских прав.

Для практикующих юристов и ученых, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех интересующихся практикой применения норм гражданского права и вопросами их совершенствования

УДК 347.1
ББК 67.404.0

ISBN 978-5-8354-2179-4

© Коллектив авторов, 2026
© Е.А. Суханов, составление, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Е.А. Суханов).....	4
---------------------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Е.А. Суханов. Об исковой давности, конфискации имущества и предмете гражданского права.....	7
Е.Д. Суворов. Иск из владения цифровым активом	24

ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

А.Е. Шерстобитов. О реформе общих положений о гражданско-правовом договоре в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации.....	58
А.Г. Карапетов. Исковая давность при перемене лиц в обязательстве	73
А.В. Егоров. Цена договора и налог на добавленную стоимость.....	102

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

М.А. Ерохова. Компенсация за изъятие имущества казной: о плательщике и о получателе средств	152
А.А. Смола, Ю.В. Тай. Актуальные вопросы сопряжения банкротных и уголовных дел в точке пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам: в поисках оптимальных решений.....	171

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных работ посвящен 70-летию юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского — выдающегося российского цивилиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, члена Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, арбитра и члена Президиума Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Многогранный характер творчества проф. В.В. Витрянского сделал его уникальной, знаковой фигурой современного отечественного правоведения.

Прежде всего, Василий Владимирович является судьей в подлинном смысле слова, а не только формально, высшей квалификационной категории, который посвятил многотрудной и успешной работе в системе арбитражных судов несколько десятилетий своей жизни. Уже находясь в отставке, он стал одним из наиболее востребованных арбитров МКАС при ТПП РФ, ежегодно рассматривая и разрешая десятки сложнейших международных и внутренних экономических споров.

Вместе с тем более 30 лет он активно участвует в законотворческой работе, в том числе в качестве одного из основных членов рабочей группы по созданию нового Гражданского кодекса России, а также возглавляя деятельность по разработке ряда концепций законодательного развития, готовившихся рабочими группами Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: от Концепции развития законодательства о недвижимом имуществе (2003 г.)¹, ставшей первым такого рода документом в сфере развития гражданского законодательства (сама идея

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; Исслед. центр частного права; под общ. ред. В.В. Витрянского, О.М. Козырь, А.А. Маковской. М.: Статут, 2004.

создания которого также принадлежит юбилею), до подготовленного ко второму чтению в Государственной Думе РФ проекта федерального закона о новой редакции Раздела II ГК РФ, посвященного вещному праву (2019 г.)¹. В период между их разработкой В.В. Витрянский занимался подготовкой Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (2009 г.)², возглавляя рабочую группу по созданию Концепции совершенствования общих положений обязательственного права³ и будучи членом сводной рабочей группы по подготовке общей Концепции развития гражданского законодательства РФ.

Результаты этой многообразной деятельности и их практическая реализация в правоприменительной практике были подвергнуты им глубокому научному анализу в сотнях многочисленных научных публикаций — монографиях, комментариях, журнальных статьях и главах в учебниках, среди которых выделяется давно ставший классическим фундаментальный многотомный труд «Договорное право» (в пяти книгах и шести томах), подготовленный им в соавторстве с другим выдающимся отечественным цивилистом — ныне покойным профессором М.И. Брагинским и многократно переиздававшийся издательством «Статут». Нельзя не отметить и содержащийся в одном из последних научных трудов В.В. Витрянского критический анализ результатов реформы гражданского законодательства 2012–2015 гг.⁴, который позволяет заинтересованному читателю глубже разобраться в истоках и итогах состояния российского законодательства в сфере гражданского права.

При этом В.В. Витрянский щедро делится своим неоценимым опытом законотворчества и правоприменения с практикующими юристами, постоянно выступая перед ними с лекциями и докладами на различных семинарах и курсах. Так, уже более 10 лет он является научным руководителем и неизменным ведущим ряда секций ежегод-

¹ См.: О проекте федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (во втором чтении) // Экспертные заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. 2019 г. М.: Статут, 2019. С. 543 и сл.

² См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009.

³ См.: Концепция совершенствования общих положений обязательственного права // Хозяйство и право. 2009. Приложение к № 3.

⁴ См.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М.: Статут, 2018.

ного юридического форума компании «Гарант», а также организуемых ею и другими компаниями разнообразных организационных форм повышения квалификации юристов. В течение многих лет он с успехом читал общий курс гражданского права в своей *alma mater* — на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а также ряд спецкурсов в Российской школе частного права, выступая в роли внимательного и чуткого наставника многих поколений студентов и аспирантов (несколько десятков которых под его научным руководством подготовили и успешно защитили кандидатские и докторские диссертации).

Сказанное выше составляет далеко не полный перечень заслуг и достижений В.В. Витрянского. К своему юбилею он подошел в расцвете творческих сил, что дает основания его многочисленным ученикам, друзьям и почитателям таланта для надежды на столь же успешное продолжение им своей научной, правоприменительной и просветительской деятельности на благо развития отечественной цивилистики.

Профессор Е.А. Суханов

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Е.А. Суханов,
доктор юридических наук,
профессор

ОБ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ, О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА И ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В последнее время российскими судами по искам прокуратуры был принят ряд решений о безвозмездном изъятии в собственность Российской Федерации различного имущества, полученного лицами, находившимися на государственной или муниципальной службе, в результате совершения коррупционных деяний или приобретенного ими на коррупционные доходы (в том числе недвижимых вещей, акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ и др.). Юридическим основанием таких гражданских исков прокуратура посчитала ст. 169 и подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ «во взаимосвязи со ст. 3, 13 и 14 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»»¹. Ответчики по таким искам ссылались на необоснованность применения к ним конфискации, указывая на истечение по указанным требованиям сроков исковой давности, предусмотренных нормами гл. 12 ГК РФ.

Удовлетворявшие «антикоррупционные иски» суды нередко отказывали в применении исковой давности, ссылаясь на то, что «объектом защиты в такого рода спорах выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства», а применение сроков исковой давности по ним «не соответствует требованиям законности и справедливости, способствует нахождению в гражданском обороте незаконно полученного (приобретен-

¹ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

ного) имущества, его легализации» и «поощрению коррупционного поведения и противоправному обогащению, что несовместимо с принципами существования и деятельности правового государства». Тем не менее некоторые суды «отдавали приоритет частным интересам и целям стабильности гражданского оборота», допуская применение исковой давности по такого рода искам. В связи с этим потребовалась проверка ряда норм ГК РФ об исковой давности (ст. 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200) на предмет их соответствия Конституции РФ (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 6, ч. 1 ст. 15, ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 и 3 ст. 35, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55), причем гражданско-правовая природа таких имущественных отношений сомнению никем не подвергалась.

Конституционный Суд РФ, в компетенцию которого, как известно, не входит оценка конституционности судебной практики, нашел следующий выход из сложившейся ситуации: своим Постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П он признал неконституционными перечисленные нормы ГК РФ об исковой давности, но лишь «в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на требования прокуратуры о конфискации имущества, приобретенного должностными лицами в нарушение требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции», поскольку это «не позволяет обеспечить учет особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований»¹. Иначе говоря, по сути, Конституционный Суд РФ все же признал соответствующей Конституции РФ противоположную (преобладающую) судебную практику, которая отказывалась применять в рассматриваемых ситуациях нормы ГК РФ об исковой давности, а тем самым («методом от обратного») и конституционность последних, по крайней мере для остальных ситуаций. Тем самым он еще и «снял камень с души» цивилистов, поскольку традиционный для всякого правопорядка институт исковой давности чуть было не стал ответственным за последствия коррупционных правонарушений.

¹ См. п. 1 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» (СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7029).

Вместе с тем, обосновывая свои выводы по данному вопросу, Конституционный Суд РФ принципиально не исключил и противоположного подхода — применения исковой давности к случаям конфискации имущества, полученного в результате нарушения антикоррупционного и иного публичного законодательства. Такой подход был им отвергнут только потому, что он «нивелирует антикоррупционную политику государства» и нарушает «баланс частных и публичных интересов», а совсем не потому, что речь шла о противоречащей закону (п. 3 ст. 2 ГК РФ) попытке применить общие нормы гражданского (частного) права об исковой давности для регулирования публично-правовых отношений.

Как указывалось в официально опубликованной Информации Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. по данному делу, «оценивая возможное влияние того или иного решения по рассматриваемому вопросу на баланс конституционных ценностей, КС РФ пришел к выводу, что больший вред этим ценностям будет причинен при допущении применения к антикоррупционным искам исковой давности, как она в настоящее время урегулирована оспариваемыми законоположениями, без учета особенностей антикоррупционных исков. Констатация того, что в системе действующего правового регулирования исковая давность не подлежит применению к таким искам, в большей степени согласуется с указанным балансом»¹. Из этого можно понять, что именно на данном основании в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П был сделан первоначально ошеломляющий читателя вывод о том, что ряд традиционных общих норм ГК РФ об исковой давности не соответствуют Конституции РФ (хотя и только «в той мере, в какой судебное толкование позволяет применять установленные сроки исковой давности к требованиям уполномоченных прокуроров об обращении коррупционного имущества в доход государства»).

А поскольку, по мнению Конституционного Суда РФ, «в законодательстве нет прямого указания на неприменение к этим отношениям сроков исковой давности» (общее правило п. 3 ст. 2 ГК РФ при этом почему-то было оставлено без внимания), он счел необходимым особо

¹ Информация Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. «31 октября 2024 года Конституционный Суд РФ провозгласил Постановление № 49-П по делу о проверке конституционности статей 195, 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса РФ». Опубликовано на сайте Конституционного Суда РФ: ksrf.ru.

подчеркнуть, что сделанный им вывод о неприменении сроков давности касается именно и только антикоррупционных исков прокуратуры «и не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, направленным на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации» (абз. 3 п. 2 резолютивной части Постановления КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П). Иными словами, он не исключил применение гражданско-правового (частноправового) института исковой давности к самым разнообразным отношениям по передаче имущества в собственность государства или других публично-правовых образований независимо от юридической природы возникающих при этом отношений.

Представляется, что такой вывод противоречит как формальным, так и сущностным критериям правоприменения, безосновательно смешивая принципиально различные правовые режимы — частноправовое и публично-правовое регулирование. Формальный критерий состоит в установленном п. 3 ст. 2 ГК РФ общем запрете применения гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой стороне (т.е. к публично-правовым отношениям), при отсутствии иных указаний, прямо предусмотренных специальным законом¹. Сущностный критерий отражает содержательное различие и специфику предметов регулирования гражданского (частного) и пуб-

¹ Такого рода указания, открывающие известные возможности применения норм частного права в сфере публично-правового регулирования, в современной отечественной литературе иногда даже рассматриваются как свидетельство частногоправового существа соответствующих норм, влекущего перманентное расширение сферы гражданского права (см., например: *Васильев А.С., Бандо М.В.* Есть одна отрасль права... // *Право гражданское: идеи профессора Б.М. Гонгало и современная доктрина: к 70-летию Б.М. Гонгало / под ред. Л.А. Новоселовой.* М.: Статут, 2026. С. 50–58). С этим вряд ли можно безоговорочно согласиться, хотя фактом остается то, что все попытки «новой трактовки» соотношения частного и публичного права обычно сводятся к обоснованию возможностей применения частногоправовых подходов для регулирования публично-правовых отношений (см., например: *Гаджиев Г.А.* Новые подходы в определении границ (пределов) гражданского права // *Журнал российского права.* 2026. № 1. С. 10–16; *Степанов П.В.* Баланс частного и публичного интересов в законодательстве на современном этапе развития российской государственности // *Журнал российского права.* 2026. № 1. С. 18 и сл.).

личного права, которыми предопределяются особенности содержания этих основополагающих правовых отраслей.

Очевидно, что для гражданско-правовых отношений, характеризующихся началами свободной координации (согласования) деятельности имущественно независимых собственников, становящихся в силу этого юридически равными субъектами, реализующими свои частные интересы, непригодны принципы и подходы, предназначенные для строго соподчиненной деятельности управляющих и управляемых субъектов, реализующих в ней прежде всего публичные интересы. Ведь гражданское (частное) право предназначено прежде всего и главным образом для правового оформления (регулирования) отношений собственников (в число которых входят и публично-правовые образования), которые свободно (по своему усмотрению) используют (присваивают и обменивают) свое имущество, тогда как носители (органы) публичной власти, выступая в роли субъектов публичного права, даже в имущественных отношениях должны действовать в строгих рамках своей компетенции, руководствуясь публичными, а не частными интересами.

В силу этого применение гражданско-правовых институтов и норм (включая и правила об исковой давности), которые предназначены для оформления частноправовых отношений, должно определяться не усмотрением судов, а прежде всего юридической природой регулируемых отношений. Попытки произвольного смещения публично-правового и частноправового регулирования неизбежно приводят к неудовлетворительным результатам. Об их неудачности, в частности, свидетельствует предпринятое в советское время введение в гражданское законодательство публично-правовых норм о конфискации имущества (его безвозмездного обращения в доход государства в случаях совершения некоторых правонарушений), в том числе полученного в результате неправомерных действий гражданско-правового характера, например, сделок, умышленно совершенных с целью, заведомо противной интересам государства и общества (ч. 2 ст. 147 ГК РСФСР 1922 г., ч. 6 ст. 14 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и ст. 49 ГК РСФСР 1964 г.), либо других действий аналогичной направленности, рассматривавшихся как неосновательное обогащение (ст. 402 ГК РСФСР 1922 г. и ч. 4 ст. 473 ГК РСФСР 1964 г.)¹.

¹ По классическим представлениям обязательства из неосновательного обогащения возникают при отсутствии у приобретателя умысла на получение чужого имущества,

Конфискационные последствия в то время наступали в отношении имущества, являвшегося предметом умышленно совершенных «антисоциальных» сделок, причем при наличии умысла лишь у одной из сторон такой сделки имущество конфисковывалось только у ее контрагента (ч. 6 ст. 14 Основ гражданского законодательства 1961 г. и ст. 49 ГК РСФСР 1964 г.), что получило крайне неудачное название «односторонней реституции» (в действительности не имевшей ничего общего с римской *restitutio in integrum*). Кроме того, конфискация имущества как следствие совершения противозаконной сделки стала возможной еще и по правилам о неосновательном обогащении (ч. 2 ст. 147 ГК РСФСР 1922 г.), в связи с чем возникла проблема соотношения кондикции и реституции, подход к которой был изменен после кодификации гражданского законодательства в начале 60-х годов прошлого века¹. Лишь после принятия ГК РФ кондикция перестала считаться одним из возможных последствий совершения сделок, влекущих за собой конфискацию имущества², хотя последняя сохранялась в первоначальной редакции ст. 169 ГК РФ.

Все это было прямым следствием того на первый взгляд странного положения, в соответствии с которым советское гражданское право по своей юридической природе не признавалось и фактически не являлось частным правом. Такая ситуация и послужила базой для введения в гражданское законодательство норм о конфискации, рассматривавшейся в советском праве в качестве меры не только уголовно-правовой или административно-правовой, но и гражданско-правовой ответственности (например, согласно ст. 111 ГК РСФСР 1964 г. она подлежала применению к имуществу граждан, использовавших объекты личной собственности для извлечения нетрудовых доходов)³.

тогда как в силу ч. 4 ст. 473 ГК РСФСР 1964 г. неосновательным обогащением считалось совершение такого умышленного преступления коррупционной направленности, как дача взятки. В результате этого умысел как основной традиционный критерий разграничения кондикционных и деликтных обязательств утратил свое значение, серьезно исказив правоприменение. На это обстоятельство обратил внимание В.С. Ем (см., например: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд. Т. 4: Обязательственное право. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 726–727).

¹ См., например: Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый Гражданский кодекс РСФСР. Л.: ЛГУ, 1965. С. 70–72 (автор главы — О.С. Иоффе).

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. 5-е изд. М.: Контракт; Инфра-М, 2006. С. 892 (автор комментария — О.Н. Садилов).

³ См., например: Комментарий к ГК РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1970. С. 224 (автор комментария — Ю.К. Толстой).

Еще при подготовке первой в отечественном праве рыночной кодификации гражданско-правовых норм — Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. их разработчики стремились исключить из нового законодательства противоречащие природе и принципам гражданского права запреты, ограничения и предписания инструктивного характера¹, в частности, изъяв из п. 3 ст. 30, посвященного общим последствиям недействительных сделок, упоминание о возможности конфискации имущества их участников. В соответствии с действующей редакцией ст. 169 ГК РФ (установленной Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ) конфискация как следствие ничтожности умышленно совершенных «антисоциальных сделок» допускается только в случаях, прямо предусмотренных специальным законом, но не самим Гражданским кодексом. Такая важная новелла, значение которой отметил и В.В. Витрянский², стала следствием реализации одного из положений Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г.³

Справедливости ради следует указать, что отечественная судебная практика постоянно стремилась к ограничению случаев применения конфискационных последствий, предусмотренных первоначальной редакцией ст. 169 ГК РФ, окончательно закрепив эту позицию обязательным толкованием ее новой редакции⁴. В целом же следует вновь отметить, что проникновение в гражданское законодательство публично-правовых норм о конфискации имущества было одним из прямых последствий того неопровержимого факта, что отечественное гражданское право советского периода по своей сути не было частным правом, а в настоящее время осуществляет переход к нему, постепенно избавляясь от некоторых уцелевших в законодательстве реликтов прошлого правопорядка.

¹ См.: *Маковский А., Суханов Е.* Основы гражданского законодательства и предпринимательская деятельность // Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. Новые законы о предпринимательстве / вступ. ст. А. Маковского, Е. Суханова. М.: Де-юре, 1991. С. 6.

² См.: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М.: Статут, 2018. С. 157.

³ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. С. 40.

⁴ См. абз. 3 и 4 п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. О прежних подходах к этой проблеме см., например: *Суханов Е.А.* Антисоциальные сделки в науке и практике // *эж-Юрист*. 2005. № 8.

К сожалению, названное положение в должной мере не было учтено органами прокуратуры, которые в обоснование предъявленных ими «антикоррупционных исков» ссылались в первую очередь на нормы ст. 169 и 235 ГК РФ о конфискации имущества, настаивая на их применении лишь «во взаимосвязи» с законодательством о борьбе с коррупцией, хотя в действительности именно оно должно было определять юридическую квалификацию рассматриваемых исков. Тем самым они изначально придали гражданско-правовую квалификацию как отношениям по незаконному обогащению¹, так и основанным на них искам, по сути, подтолкнув ответчиков к ссылкам на необходимость применения исковой давности.

Строго юридически в таких ситуациях судам следовало бы не обосновывать приоритет частных или публичных интересов или искать их баланс, а рассматривать вполне традиционный вопрос о соотношении (разграничении) частного и публичного права. Конфискация (безвозмездное изъятие) в пользу государства незаконно приобретенного имущества, несомненно, представляет собой имущественную меру публично-правового характера, ибо государство выступает в этих отношениях как носитель публичной власти, отстаивающей публичные интересы, а не в качестве равноправного с другими собственника имущества (хозяйствующего субъекта), каковым оно является в частноправовых отношениях. Выяснение четкого соотношения конфискации и реституции (или виндикации) в отечественном праве, по сути, сводится к установлению соотношения публичного и частного права, которое в общем виде закреплено п. 3 ст. 2 ГК РФ.

При этом следует учитывать, что прямое, непосредственное участие в частноправовых имущественных отношениях субъектов публичного права, прежде всего государства в целом, само по себе не изменяет их юридического оформления и правовой природы, ибо в гражданском (имущественном) обороте государство (или иное публично-правовое

¹ Стоит напомнить о том, что сделками по смыслу ст. 153 ГК РФ являются правомерные действия лиц, составляющие в этом своем качестве предмет гражданско-правового регулирования, а не взятки, хищение бюджетных средств и тому подобные преступления, составляющие предмет уголовно-правовой (публично-правовой) регламентации. Применение к последним норм гражданского права о сделках (включая предусмотренные ст. 181 ГК РФ сроки исковой давности по недействительным сделкам) абсурдно — ведь скупку краденых вещей нельзя считать договорами купли-продажи, применяя к ним, например, установленные ст. 475 ГК РФ последствия продажи вещи ненадлежащего качества. Столь же очевидна и абсурдность гражданско-правовой защиты приобретателей незаконно полученного имущества, в частности коррупционеров.

образование) выступает в качестве собственника имущества со своими (в этом смысле — частными) интересами, что и делает его одним из субъектов гражданского права, который участвует в гражданском обороте «на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами» (п. 1 ст. 124 ГК РФ), оставаясь носителем публичной власти в иных областях деятельности. Ведь самостоятельная гражданская правосубъектность государства представляет собой прямое следствие его юридического признания собственником своего имущества, а признание отдельными собственниками субъектов Российской Федерации и муниципальных образований ведет к необходимости наделения и их гражданской правосубъектностью, юридически равной гражданской правосубъектности Российской Федерации (ср. ст. 124—127, п. 2 ст. 212, ст. 214 и 215 ГК РФ)¹.

Иное дело, что такая ситуация может вольно или невольно вести законодателя и особенно правоприменителя к смешению частноправового и публично-правового статусов государства (публично-правового образования), а потому требует их четкого разграничения. Различные случаи перехода имущества в собственность государства имеют различную юридическую природу: например, при приобретении имущества по государственному или муниципальному контракту речь идет о гражданско-правовых (частноправовых) отношениях, тогда как при обращении имущества в государственную (федеральную) собственность в качестве санкции за совершение определенного правонарушения речь идет о публично-правовых (уголовно-правовых или административно-правовых) отношениях, регулируемых различными отраслями права с присущими им содержательными особенностями.

Исторические предшественники отечественного гражданского права, также столкнувшиеся с необходимостью гражданско-правового оформления участия государства в имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом, обычно разрешали эту проблему с помощью конструкции «юридические лица публичного права»,

¹ Эта ситуация была предопределена нормами законов о собственности 1990 г., которые впервые в отечественной истории разделили ранее единую государственную собственность на отдельные самостоятельные виды: общесоюзную (в российской терминологии — федеральную), региональную и коммунальную (в российской терминологии — муниципальную) (см. ст. 19—23 Закона о собственности в СССР (Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164), а также ст. 20 и 23 Закона о собственности в РСФСР (Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416)). Впоследствии это деление перешло в Основы гражданского законодательства 1991 г. (ст. 25, абз. 2 п. 1 ст. 44 и п. 4 ст. 53) и в действующую часть первую ГК РФ 1994 г.

за которыми в действительности стоит создавшее их и фактически управляющее всей их деятельностью государство (или иные публично-правовые образования, в частности региональные и муниципальные). Так, проект Гражданского уложения Российской империи в ч. 2 ст. 13 предлагал признавать юридическими лицами две группы организаций: 1) казну¹ и «другие государственные и общественные установления, имеющие свое отдельное имущество» (получившие в континентально-европейских правовых порядках наименование юридических лиц публичного права) и 2) «частные товарищества, общества и установления» (т.е. корпоративные и унитарные юридические лица частного права).

Еще А.В. Венедиктов указывал, что идея о выступлении от имени государства юридических лиц публичного права, в действительности являющихся субъектами гражданского (частного), а не публичного права, «в Прусском земском уложении 1794 г. и в Саксонском гражданском уложении 1863 г.... получила более ясное выражение, чем в буржуазных гражданских кодексах конца XIX и начала XX в.»: первое в ч. II § 81 прямо говорило о том, что корпорации и общины представляют собой «юридическое лицо в области гражданско-правовых сделок», а второе в § 52 определяло, что «право личности принадлежит государству, поскольку оно вступает в гражданско-правовые отношения». Но «позднейшая литература сошла с этой простой и ясной позиции, что, бесспорно, повлекло за собой и менее ясную формулировку идеи гражданской правоспособности так называемых юридических лиц публичного права в Германском и Швейцарском гражданских уложениях»².

Однако законодательство советского времени отказалось от данного подхода, принципиально отвергнув само деление права на публичное и частное. Результатом этого стало появление в гражданском праве нового вида субъектов — наряду с гражданами и юридическими

¹ Традиционное понимание казны как субъекта — особого юридического лица, воплощающего собой юридическую личность государства (см., например: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 135–138), у нас было заменено ее пониманием как объекта — части публичного имущества, не распределенного собственником между созданными им предприятиями и учреждениями — юридическими лицами — несобственниками, первоначально в ст. 22 Закона о собственности в РСФСР 1990 г., а затем в абз. 2 п. 1 ст. 44 и абз. 2 п. 2 ст. 53 Основ гражданского законодательства 1991 г., откуда перешло в абз. 2 п. 4 ст. 214 и абз. 2 п. 3 ст. 215 ГК РФ.

² *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. II. М.: Статут, 2004. С. 367.

лицами им стало государство как целое¹, а место юридических лиц публичного права заняли преобладавшие в централизованной экономике административно-командного типа государственные «хозрасчетные предприятия»² и появившиеся позднее «госбюджетные учреждения», причем и те и другие не только не являлись собственниками своего имущества, но и получили права юридических лиц лишь в 60-е годы прошлого века (оставаясь в течение 30 лет, по выражению А.В. Венедиктова, «юридическими лицами *de facto*»). В действующем отечественном правопорядке, сохранившем в качестве особого вида субъектов гражданского права как государство и другие публично-правовые образования, так и появившиеся только в советское время унитарные предприятия и учреждения (имущественно обособленные юридические лица, не имеющие права собственности на переданное им учредителями имущество³), появились также государственные корпорации и публично-правовые компании, юридически становящиеся собственниками своего имущества, хотя их деятельность осуществляется под всеобъемлющим управлением федерального госу-

¹ Впервые упоминание о государстве как особом самостоятельном субъекте гражданского права последовало в середине прошлого века в работах С.Н. Братуся (см.: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 238–242; *Генкин Д.М., Братусь С.Н., Луц Л.А., Новицкий И.Б.* Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. Т. I. М.: Госюриздат, 1950. С. 121–122 (автор главы – С.Н. Братусь)), который предложил и теоретическое обоснование такого подхода, получившего затем законодательное закрепление в кодификации гражданского права 60-х годов прошлого века.

² В примечании к ст. 58 ГК РСФСР 1922 г. речь прямо шла о «переведенных на хозяйственный расчет органах государства», а формальное признание госпредприятий юридическими лицами в ст. 19 ГК РСФСР 1922 г. было парализовано уже в 1923 г. включением их в состав трестов, повлекшим для них полную потерю гражданской правосубъектности (см. об этом: *Венедиктов А.В.* Правовая природа государственных предприятий // *Избранные труды по гражданскому праву*: в 2 т. Т. I. М.: Статут, 2004. С. 219 и сл.).

³ Среди них выделяются казенные предприятия (абз. 3 п. 1 ст. 113 ГК РФ) и казенные учреждения (п. 4 ст. 123.22 ГК РФ), которые вполне могли бы считаться разновидностями юридических лиц публичного права, чему препятствует признание за ними не известного другим правопорядкам права оперативного управления, объявленного законом вещным (п. 1 ст. 216 ГК РФ). Принципиально важно также, что по их долгам их учредители несут неограниченную субсидиарную ответственность, исключающую возможность их банкротства. По обязательствам иных государственных и муниципальных предприятий и учреждений их публичные учредители несут субсидиарной ответственности (по долгам бюджетных и автономных учреждений она существенно ограничена), что исключает возможность квалификации их гражданско-правового статуса как юридических лиц публичного права (не говоря уже о содержании их имущественных прав хозяйственного ведения и оперативного управления имуществом собственника).

дарства (не несущего, однако, субсидиарной ответственности по их гражданско-правовым обязательствам).

Таким образом, в российском праве публично-правовые образования участвуют в гражданском обороте как непосредственно (в качестве его особых субъектов), так и косвенно, через созданные ими в особых организационно-правовых формах юридические лица, которые не становятся собственниками своего имущества (за исключением весьма немногочисленных федеральных госкорпораций и публично-правовых компаний) и по долгам которых их учредители не несут субсидиарной ответственности (что составляет основное препятствие на пути придания им традиционно известного статуса юридических лиц публичного права).

Следовательно, само по себе участие публично-правовых образований в имущественных отношениях не превращает эти последние в публично-правовые отношения, ибо такие субъекты могут выступать не только в роли носителей публичной власти (политических суверенов), но и в качестве собственников своего имущества, причем в отечественных условиях вовсе не обязательно скрываясь за созданными ими юридическими лицами публичного или частного права. Примером такой ситуации является приватизация государственного и муниципального имущества, конкретные формы которой рассматриваются действующим российским законодательством о приватизации в качестве гражданско-правовых сделок купли-продажи — возмездного отчуждения имущества публично-правовых образований в частную собственность граждан и юридических лиц¹, а общие правила гражданского права о приобретении и прекращении права собственности, согласно ч. 2 ст. 217 и абз. 2 п. 2 ст. 235 ГК РФ, в таких ситуациях применяются субсидиарно (если иное не предусмотрено законодательством о приватизации). Следовательно, речь при этом идет об отношениях, которые в соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ регулируются гражданским правом (в том числе его нормами об исковой давности по недействительным сделкам, предусмотренными ст. 181 ГК РФ). Этот очевидный факт сам по себе не нуждается в подтверждении ни Конституционным Судом РФ, ни иной судебной инстанцией.

¹ См. ст. 1—3, п. 1 ст. 13, ст. 18—24, 32, 36, 42 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 25), а также подп. 2 п. 1 ст. 39.1 и п. 1 ст. 39.2 Земельного кодекса РФ.

Столь же очевидным представляется и вывод, сделанный Конституционным Судом РФ в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П, относительно невозможности обращения в доход государства имущества «третьих лиц, не участвовавших в организации коррупционных схем, но вступавших в правоотношения с коррупционером и с подконтрольными ему или связанными с ним лицами и не знавших об источнике происхождения такого имущества». Этим обеспечивается не «соблюдение баланса частных и публичных интересов», а неприменение мер публично-правовой ответственности в виде конфискации имущества к лицам, не совершавшим правонарушений, а являвшимся добросовестными участниками гражданского оборота¹.

Следует подчеркнуть, что речь при этом идет о «субъективной добросовестности» в смысле извинительного незнания о каких-либо юридически значимых фактах (п. 1 ст. 302 ГК РФ), которая никак не связана с «объективной добросовестностью» в смысле добропорядочного поведения, соответствующего общепринятым моральным представлениям (п. 3 ст. 1 и п. 1 ст. 10 ГК РФ), ибо не знать о каких-либо важных фактах в конкретной ситуации может и «объективно недобросовестное» лицо, например, заведомо нечестный человек². Поэтому «добросовестный приобретатель» вещи — это не синоним добропорядочного и честного гражданина, а лицо, которое по обстоятельствам конкретной ситуации не знало и не могло знать о том, что отчуждатель вещи в действительности не является ее собственником, т.е. добросовестно заблуждавшееся в статусе своего контрагента, но не более того. Такие субъективно добросовестные, но беститульные (незаконные) владельцы имущества в силу восстановленной современным российским гражданским законодательством приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ) могут по истечении ее сроков стать

¹ В этой связи странной выглядит рекомендация Конституционного Суда РФ законодателю при установлении соответствующих сроков в публичном законодательстве «учитывать позицию Суда: такой срок должен существенно превышать уже установленные (3 и 10 лет)», ведь речь идет не только о разных (частноправовых и публично-правовых) институтах, но и об обусловленных этим обстоятельством различных целеполаганиях: для гражданского права это прежде всего интересы имущественного оборота и его участников, а для публичного права — борьба с коррупционными и иными правонарушениями. Едва ли уместно рассматривать их как очередное проявление «баланса частных и публичных интересов».

² Подробнее о понятии и различиях «субъективной» и «объективной» добросовестности см. особенно: *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

полноценными собственниками добросовестно полученного ими имущества, а в период течения приобретательной давности вправе защищать свое фактическое владение от посягательств других лиц, не имеющих на это имущество каких-либо юридических оснований владения (титулов)¹.

Точно так же и «заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, направленные на передачу имущества публично-правовым образованиям или признание их права на имущество» в зависимости от конкретной ситуации могут квалифицироваться как гражданско-правовые иски: о виндикации вещи, находящейся у беститульного, т.е. незаконного, фактического владельца (п. 1 ст. 302 ГК РФ); о реституции владения вещью как результате признания недействительной сделки по ее отчуждению (п. 2 ст. 167 ГК РФ); о возврате вещи по кондикционному требованию — как результате неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1102 ГК РФ). Вместе с тем требования о передаче вещи государству (публично-правовому образованию), в том числе в безвозмездном порядке, могут представлять собой и требования о применении публично-правовых мер: конфискации (ст. 243 ГК РФ); реквизиции (ст. 242 ГК РФ); изъятии вещи (например, земельного участка) для государственных или общественных нужд (ст. 279 ГК РФ); национализации (абз. 3 п. 2 ст. 235 ГК РФ).

Применение первой группы мер защиты права собственности государства, предусмотренных гражданским правом и соответствующих его частноправовой природе, подвержено действию исковой давности. Поэтому Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на своем заседании 27 февраля 2026 г. принципиально одобрил идею правительственного законопроекта о применении норм об исковой давности к последствиям совершения признанных недействительными сделок приватизации (тем более что это вполне соответствует действующим правилам п. 1 ст. 181 ГК РФ в редакции Федерального закона от 7 мая

¹ Речь идет о гражданско-правовой защите фактического владения, до сих пор формально отсутствующей в российском гражданском праве (см.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 72–75). Такую защиту И.А. Покровский считал атрибутом «всякого культурного законодательства», основанного на принципе уважения к человеческой личности, которого требует «истинно культурный строй отношений между людьми» (см.: *Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут, 2009. С. 223–224, 228), а не проявлением «баланса частных и публичных интересов».

2013 г. № 100-ФЗ)¹. Однако вторая группа таких мер имеет публично-правовую природу, а потому может быть подвержена действию не гражданско-правовой исковой давности, а давностных и иных сроков, предусмотренных нормами административного или уголовного права (ответственность за недостатки или пробелы («несовершенство») которых не может возлагаться на гражданское законодательство).

То обстоятельство, что все перечисленные меры упомянуты в Гражданском кодексе, само по себе также не предопределяет их юридическую природу. С одной стороны, оно является данью традициям советского гражданского права (не являвшегося частным по своей правовой природе), а с другой — обусловлено стремлением законодателя создать в п. 2 ст. 235 ГК РФ исчерпывающий перечень (*numerus clausus*) оснований прекращения права собственности, охватывающий все указанные основания, независимо от их отраслевой принадлежности². Не случайно поэтому нормы ГК РФ, посвященные публично-правовым способам прекращения права собственности, в основном носят отсылочный характер, передавая конкретное регулирование специальному (публичному) законодательству³.

Все это позволяет сделать общий вывод о том, что юридическая квалификация различных требований об изъятии имущества у частных лиц в доход государства (как в возмездном, так и в безвозмездном порядке) определяется прежде всего правовой (частноправовой или публично-правовой) природой регулируемых отношений (т.е. предметом правового регулирования), а не устанавливаемым судом *ad hoc* (по сути, произвольно) «балансом частных и публичных интересов».

¹ Гражданско-правовая природа этих отношений прямо следует из названных выше норм действующего Закона РФ от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». С этой точки зрения явно избыточно предлагаемое указанным законопроектом дополнение ст. 217 ГК РФ специальными правилами об исковой давности по недействительным сделкам приватизации и по виндикационным требованиям публично-правовых образований.

² В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П тоже справедливо отмечено, что «хотя согласно ГК РФ обращение в доход РФ имущества и влечет последствия в виде прекращения права собственности, из этого не следует вывод о частноправовой природе данного института: соответствующие нормы ГК РФ призваны лишь обеспечить прозрачный и понятный для участников гражданско-правовых отношений порядок перехода права собственности к государству» (путем закрепления их *numerus clausus*).

³ Отсылочный характер в советское время носили даже общие нормы ст. 70 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 149 ГК РСФСР 1964 г., упоминавшие конфискацию имущества частных лиц в качестве оснований прекращения права собственности.